

ИММИГРАЦИЯ, ПОСЕЛЕНИЕ И АДАПТАЦИЯ СЕВЕРОКАВКАЗЦЕВ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Г.В. Чочиев

Прояснение ряда аспектов северокавказского мухаджирства 2-й половины XIX – начала XX в. остается довольно актуальной задачей. В настоящей статье кратко характеризуются основные вопросы иммиграции, колонизации и адаптации северокавказцев в Османской империи в свете в основном данных турецких архивных источников. Предложена периодизация миграционного движения в зависимости от его интенсивности и масштабов, которые, в свою очередь, коррелировали со степенью жесткости российского подхода к проблеме выселения неполяльных горцев. Уточняются некоторые внешнеполитические мотивы выбора Портой мест расселения иммигрантов, обусловленные, в частности, требованиями и интересами России и Англии. Обращается внимание на то обстоятельство, что, несмотря на несомненную нацеленность османских властей на скорейшее превращение переселенцев в производительный аграрный элемент, происходило неуклонное сокращение объемов предоставляемой им материальной помощи и сроков налоговых и конскрипционных льгот вследствие вызванного этими расходами давления на государственный бюджет. Рассмотрены некоторые недостатки османской колонизационной политики, проистекавшие из недостаточности выделяемых финансовых средств, неэффективности административно-бюрократического аппарата и др. и порождавшие неблагоприятные условия поселенцев, их требования о смене районов проживания, земельные и иные конфликты с местным населением, обращение к криминальной активности и т.п. Исходное рассмотрение имперской элитой северокавказцев в качестве лояльного элемента оказывало существенное влияние на процессы их адаптации и интеграции на новой родине, открывая им широкий доступ в регулярные и нерегулярные армейские подразделения, полицию и жандармерию, а также на гражданскую государственную службу.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Османская империя, мухаджирство, черкесы, иммиграция, колонизация, адаптация.

В течение 2-й половины XIX – начала XX в. в Османскую империю переселилось не менее 1 миллиона представителей горских народов Кавказа, главным образом выходцев из его северо-западных областей. Эти миграции или, по утвердившемуся в отечественной историографии и общественном обиходе определению, мухаджирство (от арабск. → османско-турецк. *мухаджир* «переселенец») были обусловлены итогами Кавказской войны и утвердившимся по ее окончании в регионе военно-колониальным режимом. Определяющую роль в запуске и нарастании данного явления играли «выталки-

вающие» обстоятельства, связанные с решениями и действиями российской власти в вопросе горской эмиграции, которая носила преимущественно вынужденный, а во многих случаях откровенно принудительный, депортационный характер [1; 2; 3]. Выбору же северокавказцами в качестве убежища и новой родины османских владений способствовали их давние политические, социально-экономические и гуманитарные связи с ближневосточно-средиземноморским миром, союзнические отношения с Портой в период Кавказской войны, а также тот факт, что османский султан считался

духовным главой всех мусульман – халифом, несшим определенную моральную ответственность за судьбы страдающих от притеснений единоверцев.

Несмотря на весьма значительный объем научной литературы, посвященной причинам, обстоятельствам и результатам указанного явления [1; 2; 3; 4; 5], задача прояснения целого ряда аспектов иммиграции, колонизации и адаптации северокавказцев в османском государстве остается все еще довольно актуальной. Целью настоящей статьи является краткая характеристика основных вопросов проблематики северокавказского мухаджирства в свете в том числе данных османских архивных источников и современной историографии.

Интенсивность процесса переселения северокавказцев в Османскую империю была неодинакова в различные периоды и демонстрировала достаточно очевидную корреляцию с позицией и политикой российской администрации, варьировавшейся в весьма широком диапазоне – от активного выдавливания «туземного элемента» или пассивного попустительства его выезду до решительного сдерживания эмиграции. С точки зрения миграционной динамики в кавказском мухаджирстве могут быть выделены следующие этапы.

До 1858 г. известна лишь одна крупная миграция с Северного Кавказа – прибытие в 1834 г. в самсунский порт примерно 400 семейств «черкесов и кабардинцев», расселенных вскоре в округах Самсун, Чорум и Амасья [6, НАТ 737/34972]. Документами 1840-х – 1850-х гг. засвидетельствовано также большое количество иммиграций малыми партиями, отдельными семьями или в индивидуальном порядке из Черкесии, Абхазии и Дагестана [6, I.DH 5757, I.MVL 1394, 12169].

В 1858–1862 гг. наблюдался значительно более интенсивный приток северокавказцев в Османскую империю. В

конце 1858 и в течение 1859 г. в Стамбул и некоторые черноморские порты прибывали состоявшие из десятков и сотен семей группы адыгов (бжедугов, бесленевцев, темиргоевцев, махашевцев и др.), абазин и ногайцев, проживавших на левобережье Кубани и не пожелавших выполнять требование российских властей о перемещении на правый берег. Усиление российского военного давления на Черкесию после 1859 г. привело к резкому росту эмиграционных настроений среди закубанских адыгов и абазин, повлекшему за собой приток в османские пределы многотысячных партий переселенцев [2, 11–12; 7, 74]. В эти же годы продолжались единичные миграции дагестанцев, прибывавших через Закавказье в Эрзурумский вилайет, однако после прекращения горского сопротивления на Северо-Восточном Кавказе в 1859 г., особенно начиная с 1861 г., миграционный поток из Дагестана и Чечни несколько усилился [6, А.МКТ.МНМ 193/21, А.МКТ.УМ 438/59, 441/39, 513/12]. Согласно османской статистике, с 18 ноября 1858 по 28 ноября 1859 г. только с Северо-Западного Кавказа в империю прибыли в общей сложности 17003 чел., в том числе 11309 ногайцев и 5694 адыга и абазина [6, Y.EE 34/53]. К 27 декабря 1859 г. эта цифра достигла уже 26 тыс. чел. [6, I.MMS 696]

1863–1864 гг. стали периодом тотального черкесского исхода – насильственной депортации российским военным командованием в Османскую империю отказавшихся от переселения на прикубанскую низменность горных адыгских субэтносов (абадзехов, шапсугов, натухаевцев, жанеевцев и др.), а также убыхов и части абазин [2, 12–14]. В поданной великим везиром султану 12 декабря 1863 г. докладной записке сопутствующие этой миграции обстоятельства описывались следующим образом: «Российские силы продвинулись далеко в глубь Черкесии и начали занимать теперь уже и земли

абадзехского племени, лишив его безопасности и предложив ему переселиться на север от Кубани. Некоторые члены племени согласились с этим, но другие в количестве около 50 тысяч человек намерены укрыться во владениях Высокого государства» [6, I.MMS 1189]. По всей видимости, Порта первоначально готовилась к приему именно указанного в записке числа иммигрантов, однако уже к лету 1864 г. их число приблизилось к 300 тыс. В любом случае масштабы иммиграции 1863–1864 гг. намного превосходили не только ожидания, но и реальные финансовые, материальные и организационные возможности османского государства, оказавшегося не в состоянии избежать значительных гуманитарных потерь при приеме и расселении переселенцев [7, 76–78].

В 1865–1876 гг. были зафиксированы три крупных и относительно хорошо спланированных и организованных иммиграции с Кавказа в Османскую империю: прибытие в 1865 г. 5 тыс. чеченских, в 1867 г. 4 тыс. абхазских и в 1873 г. 3,5 тыс. адыгских семейств (последняя группа декларировала в качестве причины своего переселения стремление к воссоединению с ранее переселившимися родственниками) [6, I.MMS 1264, 1408]. Имел место и целый ряд переселений мелких групп. В 1869–1873 гг. отмечен некоторый всплеск иммиграции из Дагестана [7, 80–81]. Но начиная с 1874 г. приток в страну выходцев с Северного Кавказа почти полностью прекратился, что отчасти было связано с принимавшимися российской администрацией мерами по ограничению горской эмиграции.

В 1877–1878 гг. османское государство столкнулось с двумя массовыми миграциями северокавказцев, порожденными ходом и итогами русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Одна из них была вызвана стремительным продвижением русских войск весной-летом 1877 г. на Балканах,

спровоцировавшим исход с занятых территорий значительной части их мусульманского населения в направлении Стамбула и балканских портов. После войны ранее расселенным в европейской Турции северокавказцам (175–200 тыс. чел.), в отличие от остальных беженцев, не было позволено державами вернуться в места прежнего проживания, и почти все они были перемещены в Анатолию и Сирию [6, I.DH 61782, 61966; 8, 37–39]. Вторая переселенческая волна имела место непосредственно с Кавказа и включала в себя не менее 30 тыс. абхазов, покинувших родину после подавления инспирированного Портой антироссийского восстания [6, Y.A.HUS 255/64].

В период 1879–1913 гг. происходили, как правило, лишь разрозненные переселения небольших партий. Зафиксирован, однако, и ряд иммиграций относительно крупных групп, например: прибытие в 1882 г. 1,2 тыс. адыгов, в 1885 г. 1,5 тыс. карачаевцев, в 1888 г. 3,5 тыс. адыгов, в 1890 г. 9 тыс. кубанских адыгов, в 1895 г. 4,5 тыс. адыгов, в 1899 г. 5 тыс. кавказцев различной этнической принадлежности, в 1901 г. 3 тыс. дагестанцев [7, 84; 9, 60–70]. После 1903 г. отмечались лишь единичные миграции с Северного Кавказа, практически полностью прекратившиеся с началом Первой мировой войны.

Большая часть северокавказцев добиралась до османской территории по морю, отправляясь в путь из таких портов, как Туапсе, Анапа, Новороссийск, Сочи, Тамань, Керчь и др. На начальном этапе иммиграций и в периоды сравнительно ограниченного притока переселенцев они доставлялись непосредственно в Стамбул и затем переправлялись властями в определенные для них регионы колонизации. Во времена же масштабных наплывов иммигрантов, когда ресурсов столицы не хватало для их временного размещения и содержания, мухаджиров высаживали и в других черноморских

портах и пристанях, обычно ближайших к местам их предполагаемого поселения. Так, черкесы, подлежавшие расселению в балканских провинциях, первоначально прибывали в Варну, Констанцу и Бургас, откуда перевозились на повозках, по железной дороге или на кораблях австрийской дунайской флотилии во внутренние районы Болгарии, Добруджу, Косово, Македонию и др. [7, 78] Для иммигрантов же, которых планировалось поселить в Анатолии, портами высадки служили в основном Трабзон, Самсун и Синоп, а в случаях скопления в них больших масс людей – также Батум, Гиресун, Инеболу, Акчакале, Фатса и др., откуда мухаджирь направлялись в провинции Западной, Центральной и частью Южной Анатолии – Измит, Измир, Бурсу, Анкару, Токат, Сивас, Конью, Адану и т.д. [10, 41]

Некоторое число северокавказцев, прежде всего выходцев с Северо-Восточного и Центрального Кавказа, иммигрировало сухим путем через российско-османскую границу в Карс, Ардаган и Эрзурум. Их дальнейший маршрут, как правило, пролегал в глубь Восточной Анатолии – в провинции Сивас, Мамуретульазиз, Ван, Муш, Битлис, Диярбекир – либо далее в Сирию [9, 78].

Иммиграция нередко сопровождалась значительными, а в ее пиковые фазы массовыми человеческими жертвами из-за неблагоприятных погодных условий, голода, эпидемий, халатности чиновников и других неблагоприятных обстоятельств как в ходе путешествия с Кавказа в османские пределы, так и в период до окончательного поселения и адаптации мухаджиров на новой родине. Например, по официальным данным, из прибывших в страну до мая 1861 г. 150 тыс. «крымских, черкесских и ногайских мухаджиров» погибло около 50 тыс. [6, I.MMS 961] Во время же большого черкесского исхода, весной и летом 1864 г., по многочисленным свидетельствам, ежедневно

в Трабзоне умирало 200–300, а в Самсуне 120–150 чел. [11, 81; 12, 112] Близкие к этому уровни смертности фиксировались и после войны 1877–1878 гг. среди беженцев и переселенцев, устремившихся в Анатолию с потерянных Портой балканских территорий и с Кавказа [8, 38].

Северокавказцы расселялись Портой практически на всей территории страны. Тем не менее нельзя не заметить определенных колебаний в предпочтениях властей при выборе регионов колонизации на различных ее этапах. Так, вплоть до середины 1859 г. переселенцы по стратегическим расчетам направлялись главным образом на Балканы. Однако ввиду сокращения там свободных земель и отчасти в ответ на просьбы самих мухаджиров в конце указанного года правительством было принято решение о начале интенсивной колонизации также и в Анатолии. После же войны 1877–1878 гг. поселения иммигрантов стали во все большем числе создаваться и в Сирии [11, 124; 13, 153].

С другой стороны, на колонизационную политику османских властей зачастую существенное влияние оказывали требования и пожелания великих держав, прежде всего России и Англии.

Россия не желала допускать сосредоточения северокавказцев в приграничных районах, опасаясь их использования Портой в военных целях, равно как и их нелегального возвращения на родину, и настаивала на поселении своих бывших подданных в достаточно отдаленных от границы провинциях [6, А.МКТ.МНМ 224/80]. Несмотря на экономическую привлекательность для османской стороны размещения прибывающих сухим путем мухаджиров вблизи границы, она во избежание осложнений в отношениях с Россией, как правило, считалась с этими требованиями [6, А.МКТ.NZD 356/75], чем, например, объясняется почти полное отсутствие иммигрантской колонизации в обширном Эрзурумском вилай-

ете. После войны 1877–1878 гг. между Санкт-Петербургом и Стамбулом было достигнуто соглашение о непоселении иммигрантов в регионах, расположенных к востоку от Сиваса [14, 42].

Порта была вынуждена учитывать и мнение Англии, которая внимательно следила за притоком в османские владения иммигрантов и не раз вмешивалась в процесс их поселения в соответствии с собственными долгосрочными целями. При этом британская позиция в этом вопросе претерпела на протяжении рассматриваемого периода определенную трансформацию. Так, в 1860-е – 1870-е гг. англичане выступали, отчасти под влиянием просьб греческого правительства, за ограничение колонизации на Балканах и предлагали разместить северокавказцев в схожем в природно-географическом и социокультурном отношении с их родиной районе между Черным морем и Эрзурумом в виде военных колоний, готовых к оказанию вооруженного противодействия потенциальному российскому вторжению [14, 43]. С выходом же на передний план после подписания Берлинского трактата 1878 г. армянского вопроса английская дипломатия, напротив, стала предпринимать усилия по недопущению поселения значительных групп мусульманских иммигрантов в Восточной Анатолии под предлогом защиты местного армянского населения [15].

Следует также заметить, что османское руководство, чрезвычайно опасаясь вмешательства в дальнейшем в его внутренние дела России под предлогом защиты своих подданных, с начала 1860-х гг. неизменно добивалось от иммигрантов при их въезде в страну сдачи имевшихся у них на руках российских паспортов и вступления в османское подданство [6, ДН.МКТ 2840/22; 11, 98–99].

Несмотря на указанные выше препятствия, значительная часть северокавказцев была изначально поселена Портой в

балканских провинциях с целью увеличения в них численности мусульманского населения и предотвращения потери этих территорий в случае военного конфликта с европейскими державами. Особенностью колонизации иммигрантов на Балканах было их как правило довольно компактное размещение в крупных селах и кластерах сел для обеспечения успешного выполнения ими задач охраны границ, а при необходимости и подавления выступлений местных христиан [8, 4–5].

Напротив, в Анатолии власти во избежание образования иммигрантами изолированных этнических анклавов и подрыва ими общественной безопасности стремились по возможности расселять их мелкими партиями среди коренного населения. К примеру, в 1878 г. Порта направила администрации Аданского вилайета предписание о рассредоточении находящихся там черкесских мухаджиров по 1–2 семьи в местных селах. Провинциальные власти, однако, расселили по 10–15 семей в каждом селе, предполагая, что так черкесам будет проще адаптироваться в новой для них обстановке. Тем не менее стамбульское правительство, ссылаясь на «рискованность» подобного размещения, потребовало выполнить его предыдущее распоряжение, пообещав при этом выделить дополнительные средства для предотвращения «бедствования» иммигрантов [6, ДН.МКТ 1325/11].

В то же время очевидно, что властям удалось реализовать политику рассредоточенного поселения иммигрантов далеко не во всех областях Анатолии, отчасти из-за сопротивления самих северокавказских общин разделению [6, I.MMS 962], а отчасти ввиду понимания необходимости обеспечения их безопасности в некоторых нестабильных регионах [6, I.DH 38018]. Примером этого может служить компактное поселение более 10 тыс. черкесских иммигрантов на плато Узунъяйла в Сивасском вилайете, продиктован-

ное стремлением к созданию условий для их успешной самообороны от давления кочевого племени афшаров [6, А.МКТ.МНМ 541/37, А.МКТ.NZD 413/99]. Преимущественно в крупных колониях размещались северокавказцы также в Сирии с целью защиты от нападений кочевников-бедуинов [16, 78–82].

С другой стороны, для подрыва власти традиционных феодально-патриархальных лидеров и укрепления среди переселенцев авторитета государства Порты обычно поощряла раздельное поселение предводителей общин от их «подданных» [16, 78, 85].

Процесс расселения северокавказцев на османской территории сопровождался некоторыми проблемами. Так, иммигранты нередко выражали несогласие отправляться на постоянное поселение в предложенные им чиновниками регионы и выдвигали собственные требования. Наиболее частым мотивом таких отказов выступало стремление иммигрантов к поселению в местах нахождения их родственников и соплеменников, что во многом было связано с тем обстоятельством, что из-за хаоса в периоды наплыва больших масс людей порой разлучались и оказывались в разных частях страны даже близкие родственники. В целом правительство демонстрировало готовность к решению этой проблемы, о чем свидетельствуют его указания местным властям о необходимости оказания помощи переселенцам в поиске потерянных членов семей: так, согласно установленному порядку, главы провинциальных и окружных администраций должны были обеспечивать воссоединение разделенных семей в том регионе, где находилось большинство их членов [11, 194]. При этом, хотя удовлетворение связанных с выбором районов поселения требований иммигрантов было сопряжено с дополнительными финансовыми затратами, государство по возможности шло им на

встречу даже в случаях, когда речь шла о воссоединении расширенных семей или просто сородичей. Например, в конце 1878 г. около 700 черкесов, оказавшихся в районе города Катерини в Салоникском вилайете, были по их просьбе переправлены на корабле за счет казны в Бейрут для поселения вместе с находящимися в Сирии членами их общины [6, ДН.МКТ 1324/47]. В 1887 г. 150 прибывших из России в Синоп черкесов обратились в Переселенческую комиссию с просьбой не отправлять их в Сивасский вилайет, как это первоначально предполагалось, а поселить близ Синопа, поскольку там уже проживали их ранее иммигрировавшие родственники, на что было получено согласие Порты [6, ДН.МКТ 1464/103].

В начале 1860 г., в связи с нарастающей волной северокавказской иммиграции, при османском правительстве была создана специализированная служба – Переселенческая комиссия (*Мухаджирин комисйону*) с целью осуществления практических колонизационных мероприятий и координации действий центральных ведомств и провинциальных органов власти в данной сфере [6, İ.DH 29532, 30579; 16, 73–76].

При поселении иммигрантам выделялись главным образом пустующие и казенные, а в некоторых случаях также дворцовые и вакуфные земли. Согласно правительственной инструкции по поселению мухаджиров 1859 г., на обустройство одного семейства требовалась в среднем сумма в 6–7 тыс. курушей¹, в которую входили расходы на строительство дома, стоимость 1–2 волов, семян, сельскохозяйственного инвентаря и продуктов питания и выплачиваемые до сбора первого урожая персональные поденные пособия. При этом на весь данный процесс отводилось от 3 до 5–6 месяцев [6, İ.MMS 649]. Однако уже спустя два года министерство финансов урезало указанную сумму до 825 курушей [6, İ.MMS

961]. Столь резкое сокращение нормы затрат на колонизацию, несомненно, было продиктовано стремлением к максимальной экономии средств перед лицом растущего притока переселенцев и ухудшающегося состояния государственной казны. Данный подход привел, в частности, к неуклонному уменьшению размеров и ухудшению качества предназначенного для иммигрантов жилья [6, I.MVL 22848]. Кроме того, власти стали во все возрастающем объеме привлекать к процессу мухаджирской колонизации ресурсы и силы местного крестьянства, что негативно отражалось на его взаимоотношениях с поселенцами.

Явную тенденцию к сокращению демонстрировали и сроки предоставлявшихся иммигрантам налоговых и конкрипционных льгот. Если в начале 1860-х гг. поселенные иммигранты освобождались от уплаты налогов сроком на 10, а от воинской повинности на 25 лет, то к 1886 г. эти сроки были снижены до 2 и 6 лет соответственно, а к концу столетия – полностью отменены [10, 71–72].

Несмотря на довольно детальную проработку в издававшихся Портой на протяжении всего периода северокавказских иммиграций инструкциях организационного и финансового алгоритмов «поселения и охозяйствливания» (*искян ве ива*) мухаджиров, нацеленного в идеале на их скорейшее превращение в самодостаточных и производительных крестьян, на деле многие группы, особенно в Анатолии, годами оставались в непоселенном состоянии в пунктах временного размещения, подвергаясь значительным лишениям и осложняя социально-экономическую обстановку в регионах [6, I.MVL 22848, ДН.МКТ 1508/13].

После завершения процесса поселения северокавказцы нередко сталкивались с трудностями в приспособлении к природным условиям регионов колонизации. При этом, ввиду значительности

средств, расходуемых государством на транспортировку и хозяйственное обустройство иммигрантов, власти давали разрешение на смену мест постоянного поселения обычно лишь в случаях очевидного бедствования колонистов. Так, поселенные после войны 1877–1878 гг. в Йемене примерно 300 черкесских семей, страдая от болезней и высокой смертности, по прошествии некоторого времени обратились к Переселенческой комиссии с просьбой об их перемещении в более подходящий для них в климатическом отношении округ Измит в Северо-Западной Анатолии, однако добились от властей лишь разрешения на переселение в соседний Сирийский вилайет [6, ДН.МКТ 1325/23].

На успешность адаптации иммигрантов в местах их поселения немалое влияние оказывал и характер их взаимоотношений с коренным населением. В османских документах получили отражение многочисленные случаи противодействия местных жителей поселению мухаджиров, равно как и агрессивного поведения колонистов в отношении окружающего населения, зачастую перераставшие в длительные ожесточенные конфликты [13, 154]. Так, поселение властями черкесов на столетиями используемых кочевыми племенами как пастбища, хотя формально не находящихся в их собственности землях в Сивасском вилайете вызвало крайнее недовольство племен и их частые атаки на иммигрантов, для предотвращения которых правительству не раз приходилось прибегать к мерам военного характера [6, I.MVL 24961, А.МКТ.MVL 146/31]. Примером противоположного рода может служить факт захвата поселенными в одном из сел округа Чорум черкесами земель и хозяйственных построек местных крестьян, многолетние жалобы которых вынудили в конце концов Порту направить провинциальной администрации предписание о

необходимости защиты прав коренного населения и пресечения «бесчинств» черкесов [6, ДН.МКТ 1586/21].

Важнейшей проблемой, препятствовавшей успешной хозяйственной адаптации и экономическому прогрессу многих иммигрантских поселений, являлась нехватка земли. Именно со стремлением колонистов расширить свои земельные угодья было связано большинство их обращений за помощью в государственные инстанции в первые годы и десятилетия после поселения. В связи с этим правительством было принято постановление об обязательном наделении каждой мухаджирской семьи землей в размере 100–130 дёнюмов² (в зависимости от плодородности почвы) и организован ряд инспекций выполнения этого решения в провинциях [6, Y.A.HUS 162/53]. Следует при этом отметить, что земля первоначально предоставлялась иммигрантам в пользование без права ее продажи, и лишь по прошествии 10–20 лет главам семей выдавались подтверждающие их права собственности документы [7, 113, 130].

Хотя эти меры позволили несколько снизить остроту проблемы земельного дефицита среди иммигрантов, значительная их часть вплоть до рубежа XIX–XX вв. испытывала существенные материальные трудности, еще более усугублявшиеся непривычными условиями хозяйствования, болезнями, конфликтами с соседями и т.п. Какая-то часть мухаджиров, оказавшись не в состоянии обеспечить себя средствами к существованию, теряла полученные наделы, переходившие в руки крупных землевладельцев из числа их соплеменников или местных жителей. Имеются и свидетельства работы безземельных иммигрантов исполу или за плату в крупных земледельческих и скотоводческих хозяйствах в Анатолии [6, А.МКТ.МНМ 193/17, I.MVL 24269], а также в качестве

неквалифицированной рабочей силы в городах [12, 120].

В то же время некоторая часть обнищавших либо не сумевших психологически адаптироваться в новых обстоятельствах мухаджиров обращалась к криминальной активности, в том числе организованного характера. К примеру, только в округе Самсун в 1-й половине 1860-х гг. черкесскими иммигрантами было похищено около 25 тыс. голов лошадей и крупного и мелкого рогатого скота [17, 278]. Главным образом материальной нуждой объяснялось и такое получившее распространение в первые годы после иммиграции явление, как продажа иммигрантами своих детей или детей своих родственников и соплеменников состоятельным османцам либо работарговым, действовавшим нередко под покровительством высших государственных чиновников [11, 191].

Несомненно, султан и Порты были достаточно хорошо информированы о проблемах иммигрантов. В изданном в 1878 г. указе Абдул-Хамида II (1876–1909) подробно перечислялись переживаемые ими тяготы и обращалось требование к административным инстанциям на местах принять необходимые меры для улучшения положения «...вынужденных покинуть из-за вражеского гнета родные места людей». Одновременно в документе с сожалением констатировалась неэффективность действий «нерадивых» чиновников по «предотвращению нищеты и бедствий мухаджиров». Призывая служащих проявлять больше «усердия и патриотизма в этом... важном для государства и религии вопросе», указ в то же время вновь ориентировал их на максимально широкое привлечение к удовлетворению нужд иммигрантов возможностей коренного населения посредством воздействия на его «исламские и человеческие чувства» [6, Y.A.HUS 159/33]. Аналогичные предписания и призывы направлялись

из Стамбула в регионы и в дальнейшем, однако их исполнение сплошь и рядом срывалось в силу некомпетентности и коррумпированности провинциальных чиновников [6, I.DH 64790, 71268].

Иммигрантская колонизация занимала весьма существенное место в политике Абдул-Хамида II, направленной на укрепление центральной власти в Восточной Анатолии посредством ограничения самоуправления вождей курдских племен и пресечения активности поддерживаемых извне армянских нелегальных группировок. В рамках этой политики Порте, несмотря на противодействие держав, удалось создать в ряде ключевых пунктов региона немногочисленные, но достаточно эффективные с точки зрения выполнения военно-полицейских функций колонии этнических северокавказцев.

В сирийском же регионе иммигранты, наряду с указанными функциями, должны были, по замыслу властей, выполнять своего рода «цивилизаторскую миссию» по отношению к бедуинам, способствуя сдерживанию их давления на оседлые поселения, уменьшению среди них межплеменных распрей и их приобщению/принуждению к занятию земледелием.

В начале XX в. власти сочли целесообразным поселение вдоль планируемой линии Багдадской железной дороги чеченских мухаджиров в расчете на их привлечение к ее охране от атак курдов и бедуинов [6, DH.MHC 39/2].

Начиная с первых этапов иммиграции северокавказские мухаджеры активно привлекались государством и к военной службе. Целый ряд офицеров российской армии из их числа после вступления в османское подданство был зачислен в султанскую армию с присвоением им аналогичных воинских званий [6, A.MKT.MHM 177/29, I.MMS 1398, Y.EE 84/110]. Для поощрения рядовых иммигрантов к службе в армии правительством устанав-

ливались специальные денежные выплаты [6, I.DH 30174].

Кроме того, иммигранты составляли важный кадровый резерв для иррегулярных военных формирований. Так, в период войны 1877–1878 гг. большое число переселенцев с неистекшим сроком конскрипционных льгот добровольно вступило в такие подразделения и принимало деятельное участие в боевых действиях на балканском и кавказском фронтах [6, I.DH 60840]. Следует подчеркнуть, что эта служба способствовала ускорению процесса социально-политической интеграции иммигрантов и повышению их статуса в государстве и престижа в глазах османского общества [16, 78].

Использование мухаджиров в составе полиции и жандармерии являлось частью взятой на вооружение Портой в последней четверти XIX в. политики поддержания общественного порядка в провинциях, особенно имеющих сложный, гористо-лесистый или пустынный, ландшафт и населенных плохо контролируемые сообществами с племенной организацией. Например, в восточных и юго-восточных вилайетах в этот период была выстроена «трехъярусная» система безопасности, включавшая в себя регулярные военные подразделения, сформированные из курдских и арабских племен иррегулярные конные полки *хамидийе* (от имени Абдул-Хамида II) и набранные из черкесских и чеченских иммигрантов полицейские и жандармские силы (*зabtийе*) [18, 51]. В обязанности последних входило также оказание поддержки армии в случае внешнего военного конфликта. Заметим при этом, что северокавказцы не были, несмотря на их просьбы, включены в привилегированные полки *хамидийе*, поскольку, по мнению османского командования, их высокое наездническое искусство было более востребовано в регулярных армейских и полицейско-жандармских подразделениях [6, Y.PRK.AZ] 23/80].

Несмотря на сложность процесса поселения и адаптации черкесских и в целом северокавказских иммигрантов в султанских владениях, основная их часть в конечном счете достаточно успешно интегрировалась в принявшее их общество в качестве, говоря словами исходящего от представителей черкесской мухаджирской элиты документа 1870-х гг., одного из «союзных османских народов» [6, А.ДVN 166/52], оказав в долгосрочной перспективе позитивное влияние на демографическую и социально-экономическую структуру своей новой родины.

В заключение можно констатировать следующее.

Переселение северокавказцев в Османскую империю представляло собой растянутый на более чем столетия процесс, интенсивность которого определялась прежде всего связанными с позицией и действиями российских властей факторами «выталкивания» горцев с Кавказа, в результате чего данное явление достигло своих пиковых уровней в 1-й половине 1860-х, в особенности 1863–1864 гг. Направление миграционного движения было предопределено главным образом характером и традициями взаимоотношений кавказских горских обществ с ближневосточно-средиземноморским и, в частности, османо-мусульманским миром в предшествующие мухаджирству эпохи.

При выборе мест расселения северокавказцев Порты была вынуждена принимать во внимание как внутренние, так и внешнеполитические обстоятельства, в частности требования и интересы таких держав, как Россия и Англия.

На начальной стадии иммиграций государство, как правило, предоставляло переселенцам значительный объем материальной помощи и существенные налоговые и конскрипционные льготы с целью обеспечения их скорейшей реабилитации, социализации и превращения в произво-

дительный элемент аграрного населения. Однако по мере нарастания иммиграционного потока и вызванного им давления на бюджет власти были вынуждены искать способы минимизации расходов на нужды иммигрантов и привлечения ресурсов местного населения к финансированию колонизационных проектов.

При практической реализации официальной колонизационной политики имели место серьезные сбои и трудности, проистекавшие из недостаточности выделяемых средств, некомпетентности и коррумпированности чиновников и т.п. Вследствие этого значительная доля обещанной иммигрантам помощи предоставлялась с большими задержками и не в полном объеме. Данное обстоятельство становилось причиной многочисленных жалоб поселенцев, требований о смене районов проживания, земельных и прочих конфликтов с местными жителями, обращения к криминальной активности и др.

Изначально рассматривая северокавказцев как лояльный государству элемент, Порты стремилась создавать их колонии в приграничных и других стратегически важных пунктах, слабо контролируемых из-за доминирования кочевых племен районах, провинциях с многочисленным христианским, прежде всего армянским, населением и т.п. В течение всего периода иммиграций северокавказцам был открыт доступ, а порой и стимулировалось их вступление в регулярные и нерегулярные военные формирования, полицию и жандармерию, равно как и на гражданскую государственную службу. В некоторых арабских регионах мухаджиры размещались не только с целью защиты оседлого населения от давления кочевников, но и в качестве агентов внедрения более прогрессивных аграрных методов и технологий.

Хотя кратковременные результаты массового северокавказского мухаджир-

ства зачастую были чрезвычайно болезненны для мигрирующих общин и индивидов и способствовали существенному ухудшению социально-экономического положения регионов их поселения и государства в целом, в более отдаленной перспективе переселенцы и их потомки (как правило, не далее чем первого поколения) смогли достаточно органично интегрироваться в полиэтничный османский социум в качестве его признанного составляющего элемента.

Примечания:

1. Куруш – османская денежная единица, $\frac{1}{100}$ лиры. В середине XIX в. приблизительно равнялся $\frac{1}{4}$ французского франка.
2. Дёнюм – мера площади, равная 919,3 кв. м.

-
1. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: Алашара, 1982. 530 с.
 2. Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию – следствие Кавказской войны. Нальчик: Эльбрус, 1994. 114 с.
 3. Тотоев М.С. К вопросу о переселении осетин в Турцию (1859–1865) // Известия СОНИИ. Т. 13. 1948. № 1. С. 24–46.
 4. Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). М.: Институт востоковедения РАН, 2001. 120 с.
 5. Бобровников В.О. Мухаджирство в «демографических войнах» России и Турции // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. № 2. С. 67–78.
 6. Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi.
 7. Habiçoğlu B. Kafkasya'dan Anadolu'ya Göçler. İstanbul: Nart Yayıncılık, 1993. 188 с.
 8. İpek N. Rumeli'den Anadolu'ya Türk Göçleri. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1994. 260 с.
 9. Erkan S. Kırım ve Kafkasya Göçleri (1878–1908). Trabzon: Karadeniz Teknik Üniversitesi, 1996. 229 с.
 10. İpek N. İmparatorluktan Ulus Devlete Göçler. Trabzon: Serander, 2006. 418 с.
 11. Saydam A. Kırım ve Kafkasya Göçleri (1856–1876). Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1997. 235 с.
 12. Karpat K.H. Osmanlı Nüfusu (1830–1914): Demografik ve Sosyal Özellikleri. İstanbul: Tarih Vakfı, 2003. 338 с.
 13. Shaw S.J., Kural-Shaw E. Osmanlı İmparatorluğu ve Modern Türkiye. II. İstanbul: E Yayınları, 1994. 576 с.
 14. Asan H. Devlet, Aşiret ve Eşkıya Bağlamında Osmanlı Muhacir İskan Siyaseti (1860–1914) // Göç Araştırmaları Dergisi. 2016. Vol. 2. No 3. С. 34–61.
 15. Şaşmaz M. British Policy and the Application of Reforms for the Armenians in Eastern Anatolia (1877–1897). Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2000. 306 с.
 16. Karpat K.H. Avrupalı Egemenliğinde Müslümanların Konumu: Çerkeslerin Sürgünü ve Suriye'de İskanı // Çerkeslerin Sürgünü (21 Mayıs 1864). Ankara: Kafdağı, 1993. С. 63–90.
 17. Karal E.Z. Osmanlı Tarihi. VII. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2003. 388 с.
 18. Özbek N. Policing the Countryside: Gendarmes of the Late 19th-Century Ottoman Empire (1876–1908) // International Journal of Middle East Studies. Vol. 40. 2008. No 1. С. 47–67.

Chochiev, Georgy V. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); georg-choch@yandex.ru

IMMIGRATION, SETTLEMENT AND ADAPTATION OF THE NORTH CAUCASIANS IN THE OTTOMAN EMPIRE IN THE 2ND HALF OF THE XIX – EARLY XX c.

Keywords: North Caucasus, Ottoman Empire, muhajirism, Circassians, immigration, colonization, adaptation.

The clarification of a number of aspects of the North Caucasian muhajirism of the 2nd half of the 19th and early 20th centuries remains a fairly urgent task. This article briefly characterizes the major issues of immigration, colonization and adaptation of the North Caucasians in the Ottoman Empire chiefly in the light of Turkish archival sources. A periodization of the migration movement is proposed depending on its intensity and scale, which, in turn, correlated with the degree of rigidity of the Russian approach to the problem of eviction of disloyal highlanders. Some foreign policy motives for the choice of places for immigrant settlement by the Porte, determined, in particular, by the requirements and interests of Russia and England, are clarified. Attention is drawn to the fact that, despite the undoubted focus of the Ottoman authorities on the fast transformation of the settlers into a productive agrarian element, there was a steady reduction in the volume of material assistance provided to them and the terms of tax and conscription exemption due to the pressure on the state budget caused by these expenditures. Some shortcomings of the Ottoman colonization policy are considered, which stemmed from the insufficiency of allocated financial resources and the inefficiency of the administrative-bureaucratic apparatus and which produced the ill-being of the settlers, their demands to change their areas of residence, land and other conflicts with the local population, resort to criminal activity, etc. The initial perception by the imperial elite of the North Caucasians as a loyal element had a significant impact on the processes of their adaptation and integration in their new homeland, opening up wide access for them to regular and irregular army units, the police and gendarmerie, as well as to the civil state service.

References

1. Dzidzariya, G.A. *Makhadzhirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya* [Muhadjirism and Problems of the History of Abkhazia in the 20th Century]. Sukhumi, Alashara, 1982. 530 pp.
2. Kумыков, Т.Кх. *Vyselenie adygov v Turtsiyu – posledstvie Kavkazskoi voyny* [The Eviction of the Circassians to Turkey – a Consequence of the Caucasian War]. Nalchik, El'brus, 1994. 114 pp.
3. Totoev, M.S. *K voprosu o pereselenii osetin v Turtsiyu (1859–1865)* [On the question of the resettlement of Ossetians in Turkey (1859–1865)]. *Izvestiya SONII* [Proceedings of the North Ossetian Research Institute]. 1948, vol. 13, iss. 1, pp. 24–46.
4. Baderkhan, F. *Severokavkazskaya diaspora v Turtsii, Sirii i Iordanii (vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX veka)* [North Caucasian Diaspora in Turkey, Syria and Jordan (Second Half of the 19th – First Half of the 20th Century)]. Moscow, Institute of Oriental Studies of RAS, 2001. 120 p.
5. Bobrovnikov, V.O. *Mukhadzhirstvo v “demograficheskikh voynakh” Rossii i Turtsii* [Muhajirism in the “Demographic Wars” of Russia and Turkey]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'* [Oriens]. 2010, no 2, pp. 67–78.

6. Ottoman Archives of the Directorate of State Archives of the Presidency of the Republic of Turkey.
7. Habiçoğlu, B. Kafkasyadan Anadolu'ya Göçler. Istanbul, Nart Publ., 1993. 188 p.
8. İpek, N. Rumeli'den Anadolu'ya Türk Göçleri. Ankara, Turkish Historical Society, 1994. 260 p.
9. Erkan, S. Kırım ve Kafkasya Göçleri (1878–1908). Trabzon, Black Sea Technical University, 1996. 229 p.
10. İpek, N. İmparatorluktan Ulus Devlete Göçler. Trabzon, Serander Publ., 2006. 418 p.
11. Saydam, A. Kırım ve Kafkasya Göçleri (1856–1876). Ankara, Turkish Historical Society, 1997. 235 p.
12. Karpat, K.H. Osmanlı Nüfusu (1830–1914): Demografik ve Sosyal Özellikleri. Istanbul, History Foundation, 2003. 338 p.
13. Shaw, S.J., Kural-Shaw, E. Osmanlı İmparatorluğu ve Modern Türkiye. II. Istanbul, E Yayınları, 1994. 576 pp.
14. Asan, H. Devlet, Aşiret ve Eşkıya Bağlamında Osmanlı Muhacir İskan Siyaseti (1860–1914). *The Journal of Migration Studies*. 2016, vol. 2, no. 3, pp. 34–61.
15. Şaşmaz, M. British Policy and the Application of Reforms for the Armenians in Eastern Anatolia (1877–1897). Ankara, Turkish Historical Society, 2000. 306 p.
16. Karpat, K.H. Avrupalı Egemenliğinde Müslümanların Konumu: Çerkeslerin Sürgünü ve Suriye'de İskanı. Çerkeslerin Sürgünü (21 Mayıs 1864). Ankara, Kafdağı Publ., 1993, pp. 63–90.
17. Karal, E.Z. *Osmanlı Tarihi*. VII. Ankara, Turkish Historical Society, 2003. 388 p.
18. Özbek, N. Policing the Countryside: Gendarmes of the Late 19th-Century Ottoman Empire (1876–1908). *International Journal of Middle East Studies*. 2008, vol. 40, no. 1, pp. 47–67.